

ушли, а которые на их глазах *проходили / уходили*, порождая своим *уходом* непредсказуемые (по)*следствия*. Интерпретировать такие «следы» чрезвычайно сложно.

Археолог Cornelius Holtorf (К. Хольторф) замечает в этой связи, что

«нет ничего сложнее, чем предсказать прошлое. Однако из этого постулата многозначности следов вовсе не следует, что следы можно интерпретировать так, как нам захочется. И то, что следы говорят нам, зависит существенно от того, как мы их читаем. Но никто никогда не читает следы так, как ему хочется»³³.

Следы действительно не позволяют читать себя так, как нам захочется, потому что они являются феноменами нашего сознания, а «феномены сознания» подчиняются законам человеческого восприятия. Об этих законах и пойдёт речь в следующей главе.

1.3 О человеческом восприятии следов

Исторический след является, по своей сути, «отчуждением» или «выражением» ДРУГОГО. Хотя «выражением» или «проявлением» ДРУГОГО, надо заметить, след является только с точки зрения того, кто его *воспринимает*. «Отчуждённое» принимает характер «выраженного» или «проявленного» в акте человеческого *понимания*. Вне этого акта оно не может быть «отчужденным».

---

³³ Holtorf, Cornelius. Vom Kern der Dinge keine Spur. Spurenlesen aus archäologischer Sicht. In: Spur. Spurenlesen als Orientierungstechnik und Wissenskunst. Hg. v. Krämer, S./Kogge, W./Grube, G. Frankfurt a. M. S. 341.

Сам процесс человеческого понимания принципиально не позволяет, как считает J. G. Droysen (Дройзен), расчленив себя на понятия, суждения и выводы, потому что он является *творческим* или даже *интуитивным* актом, который можно сравнить с молниеносно вспыхнувшей «искрой» или же актом «зачатия при совокуплении»³⁴, говорит Droysen.

Хотя *отчуждённое* является нам во «внешней форме», оно, по своей сути, является «внутренним посланием». И только потому, что ВНУТРЕННЕЕ приняло «внешние формы», что оно было «выражено» или «отчуждено», оно стало нам доступным. «Следы прошлого» являются «знаками» человеческого «отчуждения» и «выражения». Имея *внешнюю* форму, они всегда несут в себе *внутреннюю* информацию.

Droysen изображает это нам на примере взаимоотношения между «Geschäften» и «Geschichte». С переводом дройзенского слова «Geschäfte» могут возникнуть трудности, но я перевожу его здесь как «деяния», а «Geschichte», в противоположность деяниям, как «знание о них» или «история». Даже если деяния, а под ними Droysen понимал, прежде всего, политические события, будут *транспонированы* в форме документов в наше настоящее, они не станут автоматически «историей», но они, по мнению Droysen(a), вполне могут стать ею, если настоящее только воспримет их (нем. «verinnerlicht»). Отсюда и знаменитое дройзенское «в архивах не лежит история».

Только в человеческом восприятии / понимании «деяния» или «Geschäfte», теряя свою *внешнюю* форму становятся «Geschichte», т. е. «историей». Droysen замечает, что пока случившееся было *внешним* феноменом, оно не являлось *ещё* «историей», а став «историей», оно

---

³⁴ Droysen, Johann Gustav. Historik. A. a. O. S. 398.

уже перестало быть внешним феноменом, т. е. деянием. Droysen(a) как раз и интересуется этот момент, который лежит между «ещё» и «уже» — момент, в котором деяния, как он говорит, «транспонируются» в историю. Одновременное существование одного и того же события как «Geschäfte» и «Geschichte» (как деяние и как история) Droysen исключает, потому что те деяния, которые «презентирует себя в идейной форме, являются прошлым»³⁵. Но каким образом *внешнее* становится *внутренним*? Этот вопрос является загадкой не только для Droysen(a), но и для нас. Внешние события превращаются в *идейные реальности* в человеческом сознании. Droysen характеризует этот акт как «Verinnerlichung» (внутренняя переработка внешней реальности).

Конечно, далеко не все деяния могут презентировать себя так — в *идейной* форме. Именно по этой причине далеко не всё, что произошло в прошлом, и даже не большая часть случившегося в нём, смогло стать для нас историей³⁶. Но уже имеющееся знание «спасает» человеку прошлое, расширяя границы его *настоящего* момента. Без расширения этого момента, как выразился древний Эсхил, он бы, слыша, не слышал и, видя, не видел»³⁷. Но, благодаря истории, человек «видит» и «слышит» в своём настоящем намного *больше*, чем оно в себе *содержит*.

Открывая и познавая «следы прошлого», человек покидает узкие границы своего ЗДЕСЬ и ТЕПЕРЬ, мощно раздвигая таким образом рамки своего *настоящего* момента. А удаётся ему это только потому, что его настоящее сохранило многочисленные «следы» прошлого, к которым, по мнению Droysen(a) относится абсолютно ВСЁ, чего коснулась человеческая рука или человеческий дух, т. е. ВСЁ, что было

---

³⁵ Droysen, Johann Gustav. Historik. A. a. O. S. 69.

³⁶ Droysen, Johann Gustav. Historik. A. a. O. S. 8.

³⁷ Droysen, Johann Gustav. Historik. A. a. O. S. 41.

сформировано или создано человеком («was Menschengeist und Menschenhand gestaltet, geprägt, berührt hat»³⁸).

Дройзенское определение исторического источника имело самые прямые последствия для исторической герменевтики, которая после Droysen(a) уже не могла видеть в источниках только «письменные» или «материальные» остатки прошлого. Подобный взгляд на прошлое являлся для неё теперь слишком узким. Для исторической науки «источником знаний» могли стать теперь «следы» любого рода, оставленные человеком. У Droysen(a) исторический источник принял образ «следа прошлого».

Оценивая вклад Droysen(a) в развитие исторической герменевтики, современный немецкий теоретик истории Н.-J. Goertz (Г. Й. Гёртц) замечает, что «Дройзену удалось расширить область герменевтического понимания не только на тексты, но также и на действия и артефакты человека»³⁹, т. е. на любые «выражения» человека («menschliche Lebensäußerungen»).

Термин «menschliche Lebensäußerungen» мы найдём как у W. Dilthey (Дильтей), так и у Marx(a). Но в отличие от Marx(a), W. Dilthey видит в человеке не только существо «производящее» или «самопроизводящее», но и существо «хотящее, чувствующее и представляющее»⁴⁰. Человек «выражает» себя в «объективациях жизни» («Objektivationen des Lebens»). Под «объективациями жизни» Dilthey понимает все воспринятое, сохранённое и *понятое* человеком.

---

³⁸ Droysen, Johann Gustav. Historik. A. a. O. S. 422.

³⁹ Goertz, Hans-Jürgen. Umgang mit der Geschichte. Eine Einführung in die Geschichtstheorie. Hamburg 1995. S.109.

⁴⁰ Dilthey, Wilhelm. Der Aufbau der geschichtlichen Welt in den Geisteswissenschaften. Frankfurt a. M. 1981. S. 139.

«Объективации» — это также «выражения жизни», но «которые содержат в себе связь «внешнего к внутреннему»⁴¹.

По этой причине у Dilthey все актуальные восприятия человека немедленно интегрируются в сложную СИСТЕМУ его переживаний, воспоминаний, надежд, понятий, суждений⁴². Человек вынужден воспринимать любую действительность, включая и «действительность следа», в «КОМПЛЕКСЕ СЛОЖНЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ» (нем. «im Wirkungszusammenhang»).

В этом «комплексе взаимодействий» вынуждены существовать и следы, которые «зарождаются не только из моих переживаний и из моего понимания, а образуют взаимозависимый комплекс моих представлений о мире, в котором всё воспринятое извне непосредственно вплетено в ход моей жизни»⁴³. В каждый момент моей жизни я переживаю мою жизнь в комплексе сложных и взаимозависимых восприятий настоящего момента, в котором внутреннее всегда переплетено с внешним, а актуальные восприятия тесно связаны как с воспоминаниями, так и с надеждами.

Воспринятый в «комплексе сложных взаимодействий» след, уже не существует «сам по себе», а является частью человеческой картины мира. И когда историки довольно жёстко дискутируют о конкретных «следах» или конкретной теме прошлого, то в этих дискуссиях, по существу, сталкиваются друг с другом не столько их исторические мнения, сколько их мировоззрения. В дильтейском смысле след, таким образом, является не изолированным восприятием, а сложным

---

⁴¹ Dilthey, Wilhelm. A. a. O. S. 180.

⁴² Dilthey, Wilhelm. A. a. O. S. 145.

⁴³ Dilthey, Wilhelm. A. a. O. S. 141.

ПЕРЕЖИВАНИЕМ, которое, как правило, интегрировано в систему человеческих убеждений и мировоззрений.

На основе этой дефиниции понятие «след», становится ясно, почему даже идентичное прошлое или одни и те же «следы прошлого» воспринимаются нами совершенно по-разному. Мы не просто «воспринимаем» следы, а мы их, в дильтейском смысле, «переживаем» в комплексе сложных взаимодействий, к тому же мы переживаем их в различные моменты своей жизни. А единожды пережитое не позволяет пережить себя ещё раз в «тех же самых условиях», в которых оно было уже пережито.

Итак, след существовал раньше в «комплексе сложных взаимодействий», он и сейчас воспринимается в «комплексе сложных взаимодействий». Но тот «комплекс взаимодействий», в котором след ранее существовал, не является тем «комплексом взаимодействий», в котором он теперь воспринимается.

Проблематика восприятия следа усложняется у Dilthey ещё и тем фактом, что у него не только восприятие следов осуществляется в «комплексе сложных взаимодействий», но и сам познавательный СУБЪЕКТ являет собой комплекс, и, надо заметить, очень *чувствительный* «комплекс взаимодействий», который с каждым новым восприятием, включая, разумеется, и процесс восприятия и следов, оказывается в совершенно новой духовной и эмоциональной ситуации. Ведь «...в переживании я сам сам для себя комплекс взаимодействий. Каждая новая ситуация меняет положение моей жизни. Таким образом каждое воспринятое и понятое нами выражение жизни влияет на всю нашу жизнь⁴⁴.

---

⁴⁴ Dilthey, Wilhelm. A. a. O. S. 195.

Таким образом следы в философии Dilthey являются элементами духовной жизни человека. Они не фотографируются и не отпечатываются в его сознании, а *переживаются* им. И все переживания людей являются их «переживаниями жизни», в которых «жизнь познаёт жизнь» («Leben erfaßt hier Leben...»⁴⁵). Ведь во все времена все люди находились и находятся на одной и той же «линии времени»⁴⁶, которая связывает человека прошлого с человеком настоящего. По этой причине всё, что сегодня сохраняется в человеческом духе, завтра может стать историей⁴⁷.

Выводы, которые следуют из *дильтейского* анализа прошлого, следующие:

— Человек воспринимает исторический мир не извне, а он сам вплетён в него⁴⁸. По этой причине не только человек «реконструирует» следы, но и следы «реконструируют» человека;

— Человек есть, прежде всего, существо *историческое*, есть продукт своего времени, а потом уже *исторический наблюдатель*. Но только потому, что он является первым, он может быть и вторым⁴⁹;

— Человек находится на одной и той же «линии времени», на которой находились и люди прошлого. Поэтому он в состоянии *понимать / воспринимать* прошлое.

Но не только прошлое! Находясь на одной и той же «линии времени», человек в состоянии читать следы не только своего

---

⁴⁵ Dilthey, Wilhelm. A. a. O. S. 164.

⁴⁶ Dilthey, Wilhelm. A. a. O. S. 163f.

⁴⁷ Dilthey, Wilhelm. A. a. O. S. 164.

⁴⁸ Dilthey, Wilhelm. A. a. O. S. 346.

⁴⁹ Dilthey, Wilhelm. A. a. O. S. 346.

прошлого, но и своего будущего. И эту свою способность человек никак не должен недооценивать!

1.4 О следах будущего

Следы могут показать нам не только перспективу нашего прошлого, но и нашего будущего развития, о чём свидетельствует, написанная двумя американскими учёными Fred Adams (Фред Эдемс) и Greg Laughlin (Грэг Лафлин), «Биография космоса», вышедшая под заголовком «Пять эпох космоса»⁵⁰.

Биография космоса? У меня, как историка, подобная идея вызывает сразу сомнения. Можно ли, вообще, написать законченную биографию того, что ещё не закончилось? Ведь любая биография есть конструкция, которую пишут в ретроспективе, т. е. зная, что произошло.

А вышеназванные авторы, пытаясь описать будущее, лишь предполагают, что «так произойдёт». «Такое можно ожидать только от физиков», скажет историк, который никогда не пойдёт на подобную авантюру — реконструировать историю будущего. Однако физики, реконструируя будущее, опираются на вполне реальные «следы» своего настоящего. С помощью этих следов им удаётся реконструировать научно обоснованную картину не прошлого, а будущего человечества и, надо заметить, очень мрачного будущего. По мнению физиков

«через несколько миллионов лет наша планета станет неузнаваемой, представляя собой пересохшую и выжженную пустыню.

---

⁵⁰ Adams, Fred/Laughlin, Greg. Die fünf Zeitalter des Universums. Stuttgart/München 2000. S. 13.